

«Я ошибся. Ошибся в том, что не должен был ожить. Ошибся в том, что не умер с голоду. Ошибся в том, что не уснул навсегда. Ошибся в том, что пил вино на пиру. Ошибся в том, что пришел в этот павильон на озере...»

Как же хотелось разрыдаться!

Му Цинфэн медленно поднялся и, наклонившись, смотрел на него, наблюдая, как его плечи слегка дрожат — то ли от холода, то ли от страха. Он изо всех сил сдерживал желание обнять его, молча уставившись на него взглядом, острым как меч, будто желая рассечь его пополам и вытащить того послушного, мягкого Цзя Фаня, который был готов отдать за него жизнь.

Прошло много времени, прежде чем Гу Шаобай, дрожа губами, встретил его взгляд, не проявляя ни капли раскаяния. Му Цинфэн молча смотрел на него, и наконец тот закрыл глаза, тело его пошатнулось, и он потерял сознание.

Му Цинфэн побледнел от ужаса, наклонился, чтобы поднять его, и обнаружил, что тело его холодное как лед, а лоб пылал жаром.

Он поспешно понес Гу Шаобая по тихим тропинкам обратно в комнату, затем приказал Чжоу Пину сообщить князю Мобэя, что он, не выдержав вина, ушел отдыхать. Затем он позвал Лэн Дуна, чтобы тот привел Ли Чжишаня, который уже крепко спал, укрывшись одеялом.

Ли Чжишань только вошел и уже собирался начать диагностику по пульсу, как вдруг услышал слова Му Цинфэна:

— Посмотри на рану на его животе.

Старик, услышав это, с недоумением посмотрел на него, но, конечно же, послушался князя и развязал одежду Гу Шаобая. На животе была небрежно намотанная повязка, на которой проступило пятно крови размером с монету.

Ли Чжишань бормотал себе под нос, ругая какого-то бездарного лекаря, который так неумело наложил повязку. Но когда он снял бинт, он замер.

Рана, которую он сам обрабатывал, была ему хорошо знакома, но лицо этого человека явно не принадлежало Цзя Фаню. Он поднял глаза, вопросительно глядя на Му Цинфэна.

Му Цинфэн не собирался объяснять, лишь мрачно произнес:

— Не спрашивай. Лечи рану.

Ли Чжишань тут же опустил голову. Он понимал: чем больше знаешь, тем быстрее умрешь. Очевидно, Цзя Фань был всего лишь маскировкой этого человека!

Гу Шаобай уехал в спешке, по дороге купил какую-то мазь для заживления ран, всю дорогу трясся в повозке, а по прибытии в гостиницу сразу же лег спать. Иногда он вспоминал о ране и менял повязку, но чаще всего забывал или откладывал на завтра. В результате рана, которая почти зажила, снова загноилась.

Му Цинфэн смотрел на синяки и кровоподтеки на его животе, и ему очень хотелось встряхнуть его и хорошенько отшлепать, чтобы тот запомнил урок. Но, подумав, что обижать больного негуманно, он решил отложить расплату до более подходящего времени.

Чжоу Пин проводил Гу Цзюньсюаня и его сына у ворот:

— Господин Шаобай не выдержал вина, потерял сознание у озера и простудился. Мой князь, проходя мимо, спас его. Только что он принял лекарство, и его нельзя беспокоить, поэтому он останется здесь на лечение. Завтра обсудим все подробнее.

Гу Цзюньсюань и Гу Цинбай поклонились Чжоу Пину, сели в повозку, но в душе оставались в недоумении.

— Отец, князь спас Шаобая и оставил его на лечение? — спросил Гу Цинбай.

— Похоже, так и есть, — ответил отец.

— Князь так добр ко всем?

— «Достигнув успеха, помогаешь всему миру». Видимо, так и есть.

Гу Цинбай промолчал.

Отец тоже промолчал.

Его собственные слова звучали неправдоподобно даже для него самого.

Гу Шаобай, бредя в жару, все же проснулся от боли в полночь.

Под действием успокоительного отвара он не знал, что Ли Чжишань уже сделал ему иглоукалывание, поэтому боль была, но неясная, расплывчатая.

В полубреду он чувствовал, как все его тело горело, и он свернулся калачиком в каком-то месте, которое было прохладным, как нефрит, и значительно облегчало жар. Он жадно прижимался к этому месту, поглощая его прохладу, и даже боль становилась терпимой.

Му Цинфэн крепко обнял его, чувствуя, как горячее дыхание вырывается из его носа. Он внимательно разглядывал его длинные ресницы, дрожащие, как крылья бабочки, словно они несли на себе всю горечь жизни.

Он нежно поцеловал его, и легкое дрожание передалось его губам, чувствительным, как внезапно сжатая раковина, которая могла причинить боль.

На следующий день Гу Цзюньсюань и Гу Цинбай рано утром пришли с подарками, чтобы поблагодарить Му Цинфэна.

Му Цинфэн приказал провести их в боковой зал. Гу Шаобай все еще крепко спал, жар почти полностью истощил его силы.

Отец и сын поклонились, вручили подарки и выразили благодарность.

Менее чем через час их уже проводили обратно к повозке.

Они были еще больше озадачены.

— Отец, князь И передал нашей семье Гу закупку провианта для северной армии?

— Похоже, так...

— Эта линия всегда контролировалась семьей Сяо князя И. Почему этот пирог упал на нас?

Отец покачал головой.

— Почему князь не позволил Шаобаю вернуться с нами?

— Эх, князь сказал, что у Шаобая высокая температура, и он боится, что тот простудится...

— Отец... Мне кажется, что отношение князя к Шаобаю не похоже на «помощь всему миру».

Отец промолчал.

— Отец... Мне кажется, что этот пирог был куплен ценой Шаобая.

— Не говори глупостей...

Повозка удалялась, оставляя за собой множество вопросов.

Гу Шаобай открыл глаза, весь в поту, но жар спал.

Он осмотрелся и понял, что находится в совершенно незнакомом месте, что вызвало у него легкую панику. Последнее, что он помнил, — это как он потерял сознание, стоя на коленях.

Горло было сухим и першило, и он невольно кашлянул.

За ширмой послышался шелест одежды, и человек вышел из-за нее, войдя в комнату.

Гу Шаобай почувствовал, как сердце его похолодело. Ну вот, снова попал в его руки.

Му Цинфэн держал в руке чашку цвета неба с узором «ледяные трещины». Одной рукой он поддерживал его за шею, приподнимая, а другой поднес чашку к его губам. Гу Шаобай не стал церемониться и, пользуясь его помощью, выпил всю воду, после чего снова опустился на подушку. Он устался на Му Цинфэна, пока его мозг еще не начал работать в полную силу.

— Тебе лучше? — спросил Му Цинфэн.

— Угу, — Гу Шаобай потрогал живот. Повязка была наложена профессионально, явно не его рук дело.

— Врач сказал, что жар вызван раной. Как ты получил эту рану? И похоже, ты был отравлен? — спросил Му Цинфэн. Ли Чжишань, конечно, уже исчез, иначе спектакль Гу Шаобая не смог бы продолжаться.

Третий сын семьи Гу нервно перевел взгляд на серебряный крючок занавески. Возможно, из-за того, что жар повлиял на его разум, он долго подбирал слова, но в итоге был вынужден признать, что у него нет оправданий. Му Цинфэн был слишком проницателен, и перед ним притворяться глупцом было бесполезно — он мог сделать тебя настоящим дураком.

Гу Шаобай, собравшись с духом, рискнул сменить тему:

— Князь, Вы заняты государственными делами, моя маленькая рана не стоит Вашего внимания.

Но Му Цинфэн, как волк, учуявший кровь, не отступал:

— Третий господин, у меня есть друг, который недавно получил рану в том же месте, и он тоже был отравлен. Если бы ты не выглядел так совершенно иначе, я бы даже подумал, что ты и есть мой друг!

Гу Шаобай почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Ему хотелось удариться головой, чтобы избежать этих бесконечных вопросов. Он вспомнил поговорку: одна ложь требует ста оправданий.

Он криво улыбнулся, пытаясь выглядеть непринужденно:

— Ха-ха, действительно, «без совпадений не бывает историй»!

— Да? — Му Цинфэн явно намеревался загнать его в угол. — «Без совпадений не бывает историй» — это в книгах. Я же считаю, что в жизни не бывает столько совпадений. Если кто-то специально не подстроил, то такие вещи не происходят сами собой. Как ты думаешь?

Гу Шаобай открыл рот, но затем закрыл его, не находя слов.

Му Цинфэн медленно приблизил свое лицо к его, и его легкое дыхание почти лишило Гу Шаобая дара речи.

— Или ты и есть... тот, кто все подстроил...

— Мм?

Третий сын семьи Гу сжал губы. Вода, которую он только что выпил, мгновенно превратилась в пот под воздействием слов Му Цинфэна, и он снова почувствовал сухость во рту.

Его рука, лежавшая на парчовом одеяле, непроизвольно сжалась в кулак, ладонь стала влажной от пота. Но Му Цинфэн взял его кулак и нежно разжал пальцы.

— Почему ты так потеешь? Тебе жарко?

Он провел пальцами по каждому его пальцу, скользя по подушечкам и суставам, медленно и нежно, как будто гладил изысканный фарфор. В его движениях чувствовалась нежность.

— Мне становится все интереснее твоя рана.

Кончики пальцев защекотали, и Гу Шаобай почувствовал легкое волнение. Но разум напоминал ему, что эта нежность была как ароматный суп из бараньих потрохов, который для него был хуже яда.

<http://bllate.org/book/16730/1538786>